

ния, по-разному схватываемая на разных исторических этапах развития эпистемологии от индийских мистиков до К.Р. Поппера.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01376 (18-00-00760) КОМФИ.

Литература

1. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970.
2. Бахметьев А.Э. Онтологические основания интуиции как формы познания: интуитивная спецификация гипотезы // Аспирантский вестник Поволжья, 2017, №7-8. С. 4-9.
3. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. Л., 1988.
4. Дессауэр Ф. Спор о технике: монография / перевод с нем. А.Ю. Нестерова. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2017.
5. Дубровский, Д.И. Обман. Философско-психологический анализ. М., 1994.
6. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009.
7. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 1920.
8. Налчаджян А.А. Некоторые психологические и философские проблемы интуитивного познания (интуиция в процессе научного творчества). М.: Мысль, 1972.
9. Энгельмейер П.К. Теория творчества. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010.

А.Н. Огнев

ОНТОГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЛИМИТЫ «ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕГО СОСТОЯНИЯ» В ПСИХОДИАГНОСТИКЕ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ИНФОРМАЦИОННЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ

(Самарский университет)

Взаимодействие человека и информационной технологии как системы, в процессе функционирования которой сущностные силы человека подвергаются специфической объективации, можно рассматривать в двух дисциплинарных ракурсах психологии – с позиций инженерной психологии и с точки зрения психологии личности. Первый способ рассмотрения не включает в себе проблемы, представляющей собственно философский интерес, коль скоро взаимодействие человека как носителя высших психических функций с техногенной системой предметной деятельности, частным случаем которой можно считать информационную технологию, представляет собой вопрос, существо которого исчерпывается на частнопредметном уровне. В этом смысле проблемный ракурс психологии личности значительно богаче содержанием, коль скоро в режиме техногенной объективации оказываются значимые свойства личности,

которым подобает неотчуждаемый субъектный статус. Возникает вопрос о психодиагностической ценности знания о том, как вовлечение в информационно-технологический процесс сказывается на личности человека и какие новые отражательные качества она приобретает, ибо в данной ситуации человек отражает не столько детерминации природы и общества, сколько уровня развития технологии, рассчитанной на производство и обмен информации.

В ходе участия в процессе обмена и производства информации человек оказывается частью технологического звена с функциями, обобщение которых даёт неизбежный избыток обратных связей, аналогичных по ряду своих структурных характеристик прибавочной стоимости в экономике, но обладающий сверх того и известной психодиагностической ценностью, узус которой может обладать весьма изменчивым функционалом. Следует согласиться с тезисом Г. С. Прыгина о том, что «психодиагностика – это наука и практика постановки психологического диагноза» [3, с.7]. В самом общем смысле под диагностикой можно понимать распознавание реактивных нормативов, присущих объекту, при которых регистрируются значимые параметры ради составления прогноза, допускающего возможное воздействие на этот объект в целях его оптимизации. Проблема состоит в том, что диагностические данные характеризуют в наличной ситуации не природный или технический факт, а условную эквиваленцию субъекта и его отчуждённой репрезентации, которая, однако, наделяется качествами, востребованными в той мере, в какой в них наличествует информационно-технологический функционал. Именно ипостазирование последнего в некую гипотетическую реальность *sui generis* делает возможной как проблематизацию так называемого «искусственного интеллекта» в режиме абстрактно-мыслимого антропоморфизма, так и вопрос о мере персонифицируемости личности как вторичного информационного образования. Возникает коллизия, благоприятствующая как трансляции логической ошибки по модели *quaternio terminorum*, так и постановке вопроса о фальсификации диагностической значимости факторов идентифицирующей интроекции.

Именно этот момент делает востребованной системную философскую рефлексию, поскольку здесь достраивается тема соотношения бытия и мышления, в проблемном фокусе которой оказывается идентичность в самом широком смысле слова, выходящем за рамки логической модельной абстракции, достигнутой для операционалистского понимания в ключе технической рациональности. Понятие идентифицирующего интроекта, подвергаемого операциональной адаптивной инклюзии в информационно-технологическом процессе, требует рассмотрения в контексте классической теории отражения. В этой связи особую значимость приобретает онтогносеологическая концепция выдающегося советского философа, эстетика и критика М. А. Лифшица, в которой ставится вопрос о характере единства бытия и мышления. В полемическом ключе эта проблема возникла в связи с критикой теории «классовой психоидеологии», ставшей явным рецидивом вульгарного социологизма шулятиковщины. В дальнейшем онтогносеология приобрела черты теории, требующей проективного завершения в классическом философском контексте. Одним из ключевых понятий онтогно-

сеологии является понятие «идентифицирующего состояния». М. А. Лифшиц учил: «Решение априори – материальная деятельность, поворачивающая предмет опыта в идентифицирующее состояние, поскольку, разумеется, он сам способен идентифицироваться таким образом в нас» [1, с.42]. Суть проблемы, тем самым, состоит в том, чтобы понять идентичность как состояние, обладающее инвариантными диагностическими признаками, приобретающими статус материального а priori, отражающего proprium субъекта, объективируемого в информационно-технологическом процессе.

Модельный ситуацией, обеспечивающей теоретическое вхождение в проблематический комплекс идентифицирующего состояния, можно считать ситуацию диагностического обеспечения решения задачи, связанной с детекцией лжи. Если инструментальная детекция лжи учитывает только физиологические реакции на стресс, вызванный ложью, то профайлинг позволяет выявить специфику лжи, учитывая особенности психотипа, подлежащего диагностированию. Скрытие рентной информации вызывает стресс, но стресс не всегда вызван наличием манипулятивной установки *sensu stricto et proprio*. По справедливому признанию П. Экмана: «Эти признаки могут сопутствовать любым отрицательным эмоциям» [5, с.118]. Важно понимать, что человек скрывает рентную информацию по законам своего психотипа, что позволяет, по мнению Дж. Наварро, «точно определить причину стресса» [2, с.316]. Этот момент оказывается ключевым и с точки зрения психодиагностики идентифицирующего состояния. Психодиагностические признаки, по меткому замечанию Е. Спирицы, «будут рассогласованными и проявятся неконгруэнтно, что будет очевидно для подготовленного верификатора» [4, с.27]. Таким образом, каждый психотип выдаст целый спектр указаний на стресс, релевантных для него. Особый интерес в этой связи могут вызывать феномены, обусловленные значимыми профдеформациями человеческой личности, возникающими при взаимодействии человека с информационными технологиями. Сверхзадачей психодиагностики в этих условиях становится учёт баланса дефензивных тактик и психологических компенсаций, востребованных по психологическим показаниям.

Онтогносеология устанавливает для идентифицирующего состояния критерии полноты (*summum*) «истинной середины» (*medium; die wahre Mitte*) и предела (*ultimum*). В той мере, в какой информационная технология заключает в себе ключевой момент опосредствования (*die Vermittlung*), она косвенно указывает и на пределы идентифицирующего состояния для носителя диагностируемого психотипа в меру его объективации в ней, и на степень репрезентативной полноты интроективного функционала, на почве которого возможна трансцендентальная подтасовка, призванная скрыть личностные декомпенсации, указывающие на социально-значимый аспект проблемы отчуждения.

Литература

1. Лифшиц М.А. *Varia*. – М.: ООО «Издательство Грюндриссе», 2010. – 172 с.

2. Наварро Дж. Я вижу, о чём вы думаете. – Минск: Попурри, 2016. – 336 с.
3. Прыгин Г.С. Основы психодиагностики: Принципы и методы. История развития. Основы психометрики. – М.: УМК «Психология», 2003. – 198 с.
4. Спирица Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца. – СПб.: Питер, 2017. – 272 с.
5. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь. – СПб.: Питер, 2017. – 384 с.

А.Е.Сериков

ДИСКУССИИ О СОЗНАНИИ КАК ИНТЕГРИРОВАННОЙ ИНФОРМАЦИИ

(Самарский университет)

В докладе анализируются основные идеи *теории интегрированной информации* как теории сознания (*Integrated Information Theory of consciousness* - ИИТ) и философская дискуссия по поводу этих идей. Анализ данной дискуссии является актуальным, так как ИИТ, за редким исключением [1], практически не обсуждалась в отечественной философской литературе.

В 1995 г. Дэвид Чалмерс [2] заявил о важности поиска научной теории сознания, которая бы решала «трудную» проблему объяснения существования субъективного опыта в терминах законов природы, не редуцируя его к нейрофизиологии или физико-химическим процессам. Одна из важных идей Чалмерса заключалась в том, что сознание не менее фундаментально, чем любые другие фундаментальные природные взаимодействия, объяснение которых в перспективе должно быть включено в будущую «теорию всего». Другая важная идея состояла в том, что теорию сознания, возможно, следует строить как теорию информации, поскольку информация проявляет себя и в материальных процессах, с одной стороны, и в субъективном опыте, с другой.

В 2008 г. Джулио Тонони опубликовал статью [11], в которой идея информационно-теории сознания впервые была реализована в форме *теории интегрированной информации*. Главный тезис Тонони заключался в том, что сознание возникает, когда информация, производимая целостной системой отличается от информации, производимой ее отдельными элементами или отдельными операциями. При этом интеграция информации в целостной системе может быть оценена количественно, путем ее сравнения с энтропией в разобранной системе. Системы с нулевой или незначительной интегрированной информацией (далее - ИИ) бессознательны, системы с большой ИИ должны обладать сознанием, независимо от их материальной реализации. Например, ИИ в Интернет или ИИ человеческого мозга в состоянии глубокого сна без сновидений очень мала, в то время как ИИ бодрствующего мозга очень велика. В 2012 г. вышла книга Тонони, ориентированная на гуманитариев и широкую публику, в которой подробно обсуждаются феноменологические аспекты его теории [13].